

Японские исследования. 2019. №3. С. 6–22.

Japanese Studies in Russia, 2019, 3, pp. 6–22.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10017

Сиба Рётаро: очерки о России и национальное самосознание автора

М.П. Герасимова

Аннотация. Сиба Рётаро (1923–1996) – автор многочисленных исторических романов и повестей, пользующихся неизменным вниманием читающей публики не только в Японии, но и за её пределами. В его творчестве немало внимания уделяется России. Взгляд Сиба Рётаро на Россию интересен тем, что в отличие от европейцев, которые видят Россию с Запада и судят о ней по её Европейской части, японцы, как говорит Сиба, «ощущают Россию через Сибирь». В 1999 г. в России был издан в переводе на русский язык его сборник эссе «О России. Изначальный облик Севера» (*Россия ни цуитэ. Хоппо-но гэнкэй* ロシアについて。北方の原形). По признанию самого писателя, он рассматривал Россию в первую очередь как на страну-соседа. Поэтому не Россия сама по себе и её история, а факты и факторы, влиявшие на то, как складывались отношения между Японией и Россией, были предметом его размышлений, на основе которых были написаны вошедшие в сборник эссе. Основным фактором, повлиявшим на восприятие России в Японии, как это следует из собранных в сборнике эссе, было освоение Россией Сибири, иными словами, приближение к Японии и то, как это происходило. Сборник эссе «О России» не первая работа, в которой затрагиваются японско-российские отношения. Раздумья писателя на эту тему начались в процессе работы над двумя наиболее значительными его произведениями «Облака на склоне холма» (*Сака-но узэ-но кумо* 坂の上の雲, 1968–1972) и «Море цветущего рапса» (*На-но хана-но оку* 菜の花の沖, 1982). События первого происходят в период Мэйдзи и поступки героев обусловлены русско-японской войной. Действие второго происходит в конце периода Эдо (1603–1868) и связано с так называемым инцидентом Головнина (1811 г.), поставившим на грань войны ещё не установившиеся российско-японские отношения. Разворачивая во времени и в пространстве историческое полотно России в сборнике эссе «О России. Изначальный облик Севера», он сопоставляет знаменательные, с его точки зрения, события в России с тем, что происходило в это же время в Японии с тенденциозностью, которая может способствовать популяризации иерархической конструкции отношений Японии и России.

Ключевые слова: страх, оружие, Сибирь, продовольствие, прибыль.

Автор: Герасимова Майя Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. E-mail: maiyasalve@gmail.com

Shiba Ryotaro: essays on Russia and the author's national identity

M.G. Gerasimova

Abstract. Shiba Ryotaro (1923–1996) is the author of numerous historical novels and short stories that attract constant attention of the reading public, not only in Japan, but also abroad. Much attention in his prose is paid to Russia, which becomes a point of special interest, because it deepens common knowledge about it, usually formed by seeing this country from the West, while the Japanese, as Shiba says, “feel Russia through Siberia”.

In 1999, a collection of his essays “On Russia. The Original Form of the North” was published in Russia. According to the writer himself, he saw Russia, first and foremost, as a neighboring country. Therefore, it was not Russia itself and its history, but the facts and factors that influenced relations between Japan and Russia that were the subject of his reflections which became the basis of the essays included in the book. This collection of essays is not the author's first work dealing with Japanese-Russian relations. The writer began to ponder over this topic while working on his two most significant works – “Clouds Above the Hill” (*Saka-no ue-no kumo* 坂の上の雲, 1968–1972) and “The Sea of Blooming Rape” (*Nana-no hana-no oki* 菜の花の沖, 1982). The events in the former take place in the second half of the Meiji period and the Russo-Japanese War becomes the central stage for the characters' actions. In the latter, the events are connected with the so-called Golovnin Incident, which brought the two countries to the brink of war after the capture of a Russian explorer and naval captain, Vasily Golovnin, in 1811, by the soldiers of the Japanese shogunate. As follows from the essays in “About Russia. The original face of the North”, Shiba Ryotaro believes that the main factor that influenced the perception of Russia in Japan was Russia's advance deep into Siberia and the way it was approaching Japan. Expanding the historical canvas of Russia in time and space, he compares the events in Russia that were significant from his point of view to what was happening at the same time in Japan, with a perspective that can promote the popularization of the hierarchical structure of relations between Japan and Russia.

Keywords: fear, weapons, Siberia, food, profit.

Author: *Gerasimova Maya G.*, PhD (Philology), Senior Researcher, Japanese Research Center, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: maiyasalve@gmail.com

Сибя Рётаро – литературный псевдоним Фукуда Тэйити (1923–1996), автора многочисленных исторических романов и повестей, отличающихся не только увлекательностью сюжета, но и глубоким проникновением в историю и культуру других народов, главным образом стран Юго-Восточной Азии – Китая, Кореи и Монголии. Этот псевдоним состоит из иероглифов, красноречиво свидетельствующих о сфере интересов его носителя. Фамилия Сибя записывается теми же иероглифами, что и фамилия великого китайского историка Сыма Цяня (145–86 гг. до н.э), иными словами, китайское *Сыма* в японском прочтении звучит как Сибя. Первый иероглиф «рё» в имени Рётаро тот же, что и в написании названия просуществовавшего с 907 по 1125 г. государства кочевых монгольских племен (киданей), которое традиционно известно в истории в его китайском произношении Ляо. Кидани населяли территорию современной Внутренней Монголии, Монголии и Маньчжурии. Компонент *таро* характерен для японских мужских имен. Судя по

тому, что Фукуда Тэйити после окончания школы в 1941 г. поступил на отделение монгольского языка Осацкого государственного института иностранных языков, там же занимался китайским, интерес к этому региону возник уже в юности и не ослабевал в течение всей жизни. Работа журналистом после окончания войны побудила его взяться за перо, и вскоре Фукуда Тэйити стал известен как Сиба Рётаро, – чрезвычайно популярный автор произведений на исторические темы, удостоенный почти всех литературных премий Японии. Однако, как замечает К. Саркисов, «вряд ли Сиба стал столь знаменитым в Японии, если бы просто от увлекательных, рассчитанных на массового читателя произведений не перешёл бы к своему неповторимому стилю аналитического исторического романа и повести» [Саркисов, с. 12].

Стремлению понять, почему так, а не иначе складывалась история народов и государств, национальные характеры и отношения с соседями – отличительная особенность произведений Сиба Рётаро. В ярком проявлении, хотя и не без тенденциозности, о которой отдельно будет сказано позже, она предстаёт и в эссе, вошедших в сборник «О России. Изначальный облик Севера».

Этот сборник был опубликован в Японии в 1986 г., а спустя год удостоен одной из самых престижных в Японии премий по литературе – премии Ёмиури. В 1999 г. он вышел в России в переводе на русский [Сиба]. В аннотации к сборнику говорилось: «Книги Сиба Рётаро – это широкое полотно истории Японии и соседних с ней стран, увиденное с высоты птичьего полета мысли глазами большого японского литератора. Не удивительно, что во многих своих художественных произведениях и эссе на темы истории и культуры он уделял большое внимание России».

В послесловии к сборнику, написанном Одзэки Кэйти, также говорится о том, что Сиба Рётаро является одним из самых известных писателей Японии и его произведения по-

прежнему с успехом продаются. Кроме того, автор послесловия подчёркивает, что «некоторые обозреватели считают, что только в 21-м веке в других странах начнут читать произведения Сиба Рётаро, и идею издать эту книгу в России нужно считать первой попыткой» [Сиба, с. 193], предпринятой в этом направлении. Тем интересней и важнее знать, какой видит Россию Сиба Рётаро, один из самых известных писателей Японии, чьи произведения пользуются неизменным спросом.

Взгляд Сиба Рётаро на Россию, «которая вытянула одно из своих крыльев, на удивление большое, далеко на Восток», особенно интересен тем, что в отличие от европейцев, которые видят Россию с Запада и судят о ней по её Европейской части, японцы, как говорит Сиба, «ощущают Россию через Сибирь». «Не следует думать, что Россия, взмахивая своим огромным крылом, увлекла за собой одну лишь Японию. В одну компанию с Японией попали Китай и Монголия. Разумеется, к этой же группе относится также коренное население Сибири – тунгусы, камчадалы с Камчатского полуострова. В порывах этого вихря метались и айны с Курил. И я попытался всмотреться в изначальный облик России через призму изменений, происходивших во всех этих странах и народах» [Сиба, с. 186]. Результатом исследований и размышлений о судьбах огромной страны и населяющих её народов, об изначальном облике России и его современных проявлениях, которым на протяжении долгого времени предавался Сиба Рётаро, стала книга «О России. Изначальный облик Севера». Зная о влиянии японского писателя на своих соотечественников, можно утверждать, что так видят Россию многие и многие японцы, – говорится в цитированной выше аннотации к изданию на русском языке.

Представив на суд историков правомерность утверждений Сиба Рётаро о различных фактах из истории России, следует подчеркнуть, что, по собственному признанию писателя, он смотрел на Россию в первую очередь как на страну-соседа. Поэтому не Россия сама по себе и её история, а факты и факторы, влиявшие на то, как складывались отношения между Японией и Россией, были предметом его размышлений. С его точки зрения, в отношениях между этими странами «в избытке накопились и переплелись результаты действия и противодействия. Если допустить, что принципы психологии приложимы к государству (а они в самом деле приложимы), то, наверное, нет других стран, отношения между которыми были бы столь же глубоко психологичны» [Сиба, с. 190].

Забегая вперед, следует сказать, что, по мнению автора эссе, основным фактором, повлиявшим на восприятие России в Японии, было освоение Россией Сибири, иными словами, приближение к Японии и то, как это происходило.

«О России. Изначальный облик Севера» – не первая работа, в которой затрагиваются японско-российские отношения. Раздумья писателя на эту тему начались в процессе работы над двумя наиболее значительными его произведениями «Облака на склоне холма» (*Сака-но уэ-но кумо 坂の上の雲*, 1968–1972)¹ и «Море цветущего рапса» (*На-но хана-но оку 菜の花の沖*, 1982).

¹ Роман издавался в период с 1968 по 1972 г. в восьми томах. Трёхлетний телесериал NHK, специально созданный по мотивам романа под названием «Сака но уэ но кумо», был показан в тринадцати эпизодах с 2009 по 2011 г.

Такатая Кахээй на рисунке члена экспедиции Головнина

Действие написанного в более позднее время романа «Море цветущего рапса» происходит в конце эпохи Эдо (1603–1868), в 1811–1813 гг., и повествует о событиях, связанных с так называемым инцидентом Головнина (яп. ゴローニン事件), поставившим на грань войны ещё не установившиеся российско-японские отношения. Инцидент Головнина (ゴローニン事件 Горо:нин дзикэн) – российско-японский конфликт, возникший в 1811 г., когда российский императорский шлюп «Диана» под командованием Василия Михайловича Головнина был послан на Дальний Восток для подготовки составления гидрографического описания Курильских островов. Во время проведения работ на острове Кунашир японцами были захвачены в плен сам Головнин, два его офицера (Фёдор Мура и Андрей Хлебников) и четверо матросов. Два года они содержались в тюрьме недалеко от города Мацумаэ. В 1812 г. во время разногласий о территориальных водах Курильских островов командовавший русским военным шлюпом Пётр Рикорд в качестве контрмер остановил принадлежащее японцу по имени Такатая Кахээй торговое судно «Кандзэ-Мару», а сам владелец судна был увезён на Камчатку. У японского торговца и русского морского офицера П.И. Рикорда сложились дружеские, доверительные отношения, они разработали план освобождения русских моряков из плена и успешно осуществили его. Конфликт был разрешён мирным путем в 1813 г. Это был беспрецедентный случай – до этого из японского плена не возвращался никто. Эти события легли в основу романа «Море цветущего рапса». Его главный герой – много повидавший на своем веку, в том числе и русский плен, японский коммерсант Такатая Кахээй 高田屋 嘉兵衛 (1769–1827), способствующий налаживанию японо-русских отношений.

«Облако над склоном холма», обложка DVD

События, описанные в первом романе «Облако над склоном холма», разворачиваются спустя почти целый век на фоне русско-японской войны. Это историческое повествование о трёх молодых японцах, из числа тех, чьими стараниями в Японии нового времени, после реставрации Мэйдзи, происходили грандиозные перемены, направленные на модернизацию страны. Двое из них – братья Акияма из сельского захолустья сделали карьеру на военном поприще, добились высоких должностей и много способствовали модернизации армии и флота некогда сильно отстававшей от передовых держав мира Японии. Третий герой – поэт, на театре военных действий – он журналист, захвачен «модернизацией» традиционных поэтических жанров. У всех троих есть реальные прообразы – Акияма Ёсифуру 秋山 好古 (1859–1930) – японский генерал, признанный «отцом японской кавалерии», Акияма Санэюки 秋山 真之 (1868–1918) вице-адмирал, начальник штаба японского флота, сыгравший важную роль в оперативном командовании во время русско-японской войны 1904–1905 гг., и прославленный поэт и теоретик Масаока Сики (1867–1902), благодаря которому началось возрождение традиционных поэтических жанров.

Работа над этими произведениями заняла у писателя более десяти лет, которые, судя по его высказываниям, прошли в раздумьях о России. Описание событий, связанных с войной между Японией и Россией 1904–1905 гг., возможно, побудило писателя оглянуться назад и обратиться ко времени, когда отношения между странами только зарождались, когда добрая воля людей помогла разрешить конфликт, и результатом стало написание романа «Море цветущего рапса».

Однако даже после десяти лет раздумий о России, об отношениях между Россией и Японией, Сиба Рётаро, по его собственному признанию, не переставал размышлять об особенностях этих отношений, их причинах и следствиях. Полагая, что как бы ни менялась система правления любого государства, существует нечто неизменное в облике народа, что необходимо знать и учитывать, строя с ним взаимоотношения, Сиба пишет: «Разумеется, для моего пера было бы слишком большой дерзостью прикоснуться к изначальному облику России в её сущности, да это и не является главной целью моей работы. Моё заветное желание написать эту книгу так, чтобы читатель мог своими глазами увидеть Россию сквозь призму политического сознания в её отношениях с Японией», подчёркивая при этом, что писал её, «стараясь, насколько возможно, придерживаться такой позиции, в которой нет места ни любви, ни ненависти» [Сиба, с. 185].

Очередной раз забегаая вперёд, следует сказать, что из размышлений Сиба Рётаро о России можно сделать следующий вывод: Россия вызывает у смотрящих на неё с Востока через Сибирь противоречивые чувства: с одной стороны, «Россия видится как чёрная туча» и это вызывает страх, с другой стороны – восхищает культура, созданная в императорской России. Причину страха Сиба Рётаро видит в том, что для Японии, не имевшей оружия, действия России, обусловленные тенденциями её развития в XVIII–XIX веках и стремительным продвижением через Сибирь на Восток, были подобны «шагам с чёрного хода» [Сиба, с. 187]. Именно этими действиями было сформировано первое впечатление о России и её отношении к другим народам.

Результатом этих же действий, по мнению Сиба Рётаро, стало то, что «в конце XIX века Россия спустилось на юг в Маньчжурию, обустроила Квантунскую область и вышла в залив Бохай. В Корее Россия получила право на вырубку леса по течению реки Ялу и начала скупать участки по всей стране. Страх перед тем, что Россия приближается к Японии побудил её усилить вооружение своей армии. И этот страх, оказывая психологическое действие и вызывая противодействие, в конце концов обернулся взрывом в форме русско-японской войны» [Сиба, с. 187]. Однако Сиба подчёркивает, что все эти события «не более чем результат, и ни одной из этих проблем в своём труде он не касался, поскольку для него важен был изначальный облик» [Сиба, с. 187], иными словами, как уже говорилось, то неизменное в облике народа, что неподвластно никаким переменам.

Размышляя об облике русского народа, о «становлении русских как нации», о причинах и следствиях «фактов и факторов», обусловивших эту неизменность, Сиба настойчиво подчёркивает, что этот вопрос «нельзя рассматривать вне связи с постоянной угрозой извне», с которой русским пришлось сталкиваться в течение очень длительного времени. Свой рассказ он начинает с того, что «русскую равнину» издавна населяли мирные земледельцы, которых мы вправе рассматривать как праславян [Сиба, с. 24]. Они постоянно подвергались набегам со стороны кочевников и не успевали привести в порядок разорённые ими угодья. Это явилось причиной того что государство, то есть общество на большой территории, в России было создано гораздо позже, чем в других странах. Что же касается сформировавшейся в IX веке как государство Киевской Руси, то «её строили не русские самостоятельно, а пришедшие извне люди, которые уже имели опыт создания своего государства. Этими пришельцами были промышлявшие пиратством шведы. ...Внедряя византийскую культуру, они своей властью заставили крестьян обратиться в христианскую веру» [Сиба, с. 28]. При этом, проводя параллель со странами Западной Европы, Сиба отмечает, что на Западе, где

большую роль играла римско-католическая церковь, образование государств шло иными путями. Церковь способствовала поддержанию традиций, зародившихся в период расцвета древнеримской цивилизации, что способствовало не только прогрессивному развитию западноевропейского общества, но и распространению информации о прогрессивных формах его организации. Однако эта информация не доходила до православной церкви, центр которой находился в Византии. Таким образом, заключает автор, «Россия в течение долгого времени оставалась изолированной от волн западного влияния» [Сибя, с. 28].

В довершение к этому татаро-монгольское иго, которое Сибя называет «чрезвычайной ситуацией на русской равнине», создало духовную стену между Россией и остальной Европой, что не позволило идеям Ренессанса, «тем самым, которые сделали Европу передовой цивилизацией в Новое и Новейшее время» [Сибя, с. 17], распространиться в России, задержав её развитие как оседлой цивилизации.

По мнению Сибя, нашествие монголов во главе с Чингисханом в XIII веке и их долгое господство оказали влияние не только на развитие «отделённой» от Европы России как государства, но и на «национальный характер русских, бывших в те времена угнетаемым народом» [Сибя, с. 31]. Обобщая последствия испытаний, через которые пришлось пройти русским в течение долгого исторического периода, Сибя приходит к выводу о том, что кочевым племенам Кыпчакского ханства, равно как и татаро-монгольским кочевникам, удалось покорить русский народ потому, что они превосходили в военном искусстве и обладали более мощным оружием. «И, наверное, не было на земле другого народа, обладавшего столь же ужасным опытом противостояния новому оружию, как люди, которые жили на Русской равнине и исповедовали православие» [Сибя, с. 30].

Всё это стало причиной того, что первые государства, созданные самими русскими, появились на «русской равнине» (позволим себе сохранить для образности выражение автора) только в XVI веке. На основании изложенных фактов, Сибя позволяет себе предположить, что «такие качества, как удивляющий многих страх перед внешним врагом, болезненная подозрительность по отношению к зарубежным странам, потенциальная жажда завоеваний, невероятная сильная вера в огнестрельное оружие – всё это является наследием времён господства Кыпчакского ханства и порождением культуры угнетённых» [Сибя, с. 34].

Тем не менее, в начале XVI века Россия, освободившись от кочевников, встала на путь, который приблизил её к превращению в Великую Россию. Сопоставляя события этого периода с тем, что происходило в это время в Японии, Сибя отмечает, что в Японии получили распространение ружья, которые стали своего рода орудием поворота от эпохи военных распрей к объединению страны.

Следует отметить, что подобные сопоставления знаменательных, с точки зрения автора, событий в истории России и Японии, то и дело встречающиеся на протяжении всего повествования, могут быть рассмотрены с разных точек зрения. Подробнее об этом будет сказано позже, а пока кратко о том, с чего же начинается, по мнению Сибя Рётаро, Великая Россия.

Автор рассказывает японскому читателю, о том, как в 1533 г. венчался на царство Иван IV Грозный. Отмечает, что, опираясь на воинское сословие, он подавил крупную знать, угнетавшую крепостных крестьян во время татаро-монгольского ига, и завоевал новые земли. Что он оказывал покровительство купцам, в особенности тем, чьим основным товаром была пушнина, и устанавливал связи с Западом, откуда ввозил оружие. Оружие было нужно для

устрашения в случае неповиновения и знати, и простых людей, и порабощённых народов в новых землях. Укрепив армию, Иван нанёс удар по государствам кочевников и либо уничтожил их, либо подчинил Московскому государству. Оставалось Сибирское ханство, укрепившееся на восточных рубежах России, «высокомерие которого вскоре было поколеблено». «Не это ли смягчение позиции сильного противника привело Ивана IV к выводу о том, что только военная сила может сохранить Россию для русских людей?» – задаётся вопросом Сиба Рётаро и высказывает вслед за этим предположение о том, что, вероятно, это и было причиной того, почему Сталин восхвалял Ивана Грозного как «Ленина доленинской эпохи» [Сиба, с. 53]. Однако и здесь Сиба вновь подчёркивает, что все решения Ивана Грозного имели целью не захват территорий, а установление господства над жившими там племенами, чтобы обложить их пушной данью [Сиба, с. 53].

Повествуя японскому читателю о том, как «пройдя через различные исторические испытания», русским удалось создать в начале XVII века российское государство со столицей в Москве, и в стране установилась абсолютная монархия – царская династия Романовых, Сиба отмечает, что в Японии в это время начинается период Эдо и вновь сопоставляет порядки, существующие в России и в Японии, выявляя их сходство и акцентируя различие, которое считает решающим. «Русский царь как самый могущественный представитель аристократии в определённом смысле похож на японского сёгуна, а с юридической точки зрения – близок крупным японским феодалам *даймё*. И царь, и аристократия владеют землёй, сёгун и *даймё* – также землевладельцы. В этом и сходство, но есть и решающее различие» [Сиба, с. 34].

Различие, по мнению автора, обусловлено тем, что представители русской знати, включая царя, были не просто помещиками, им принадлежала не только земля, но и проживавшие на ней крестьяне. В узаконивании в 1649 г. обычая, разрешающего одному человеку владеть многими десятками людей, Сиба склонен усматривать сходство с Кыпчакским ханством, поскольку для русского крепостного после отмены ига фактически ничего не изменилось – один владелец, то есть монгольская знать, просто сменился другим – русской аристократией [Сиба, с. 36].

Следует отметить, что Сиба подчёркнуто говорит о том, что он осведомлён о результатах детального научного анализа, которому подверглись обе системы правления, и ему известна точка зрения, согласно которой вся система правления русских царей рассматривается как наследие системы, существующей в монгольском государстве, считается устаревшей. Словно извиняясь, он пишет, что у него «всё же возникает желание присоединиться к этой устаревшей теории, если не в отношении самих её основ, то хотя бы с точки зрения характеристики внешних признаков» [Сиба, с. 36–37].

Продолжая рассуждения о различиях между Россией XVII века и Японией эпохи Эдо, Сиба пишет: «Для русского аристократа осознание себя как личности, как «я» было неотделимо от чувства собственности: «я, моё». В противоположность этому японский *даймё* (大名) весьма слабо осознавал, что такое «я» или «моё». Так, например, в период Эдо феодалы – *даймё* не имели права покупать или продавать свои замки. Более того, если *даймё* получал приказ о смене службы (так называемая смена удела *окунигаэри* 御国歸り), он освобождал замок, производил в нём уборку и покидал его, передавая следующему владельцу» [Сиба, с. 34–35].

Основы управления царей из династии Романовых, правление которых началось с абсолютизации монарха, составляла частная собственность знати и помещиков на крепостных крестьян, – пишет Сиба, и, задаваясь вопросом «Что же создало Российскую империю?», отвечает: «Разумеется, неограниченная политическая диктатура. Российская империя потому и смогла существовать, что существовала неограниченная диктатура» и добавляет: «Думаю, что эти высказывания затрагивают те глубинные проблемы, которые имеют первостепенную важность для анализа характерных черт России как в далёком прошлом, так и в более поздние эпохи» [Сиба, с. 37].

В размышлениях Сиба Рётаро о «характерных чертах России», не раз возникает Кыпчакское ханство, племена которого «двести пятьдесят лет терзали русских крестьян, впивались в них, как орёл впивается когтями в свою жертву, и высасывали из крестьянства кровь подобно насекомому – кровопийце» [Сиба, с. 39]. Он видит определённый смысл в том, что Кыпчакское ханство было разгромлено (1502 г.) его боковой ветвью – Крымским ханством в союзе с русским князем Иваном III. А позднее, во времена «проводившей модернизацию России Екатерины II» в 1783 г. Потёмкин разбил Крымское ханство, «возвёл на земле кочевников знаменитую крепость Севастополь и создал мощный Черноморский флот, составлявший с этой крепостью единое целое. «Мне кажется, что опасную идею о том, что строить государство можно только с помощью военной силы, Российская империя унаследовала у Кыпчакского ханства, которое угнетало её в прошлом. Мне как-то неловко говорить об этом, да и в какой-то степени это, видимо, преувеличение, но мне кажется, что на примере Крымского ханства Россия увидела: если страна утратит военную мощь, то она может прийти к такому же печальному концу» [Сиба, с. 40–41].

Так и размышляя в этом же ключе, Сиба подходит к событиям, способствующим зарождению интереса в России к Японии, от которой её отделяла огромная Сибирь.

Настоятельно подчёркивая, что интерес России к Японии был основан не на стремление приобрести новые земли, а для того чтобы покупать там продовольствие для тех, кто продвигался на Восток, осваивая Сибирь, Сиба пишет: «Сибирь была сокровищницей России, но в этих краях постоянно не хватало рабочей силы, а те, кто работали, страдали от голода, вызванного недостатком продовольствия, и цинги – из-за отсутствия овощей. Вот здесь-то внимание России и привлекла Япония» [Сиба, с. 43–44].

Однако прежде чем перейти непосредственно к вопросу о взаимоотношениях России и Японии, Сиба знакомит соотечественников с историей освоения Сибири. Он пишет о том, что вначале эти земли нужны были России лишь для того, чтобы добывать пушнину, поскольку в императорской России главным источником поступления валюты (которая большей частью тратилась на придание столичного блеска Петербургу и на приобретение на Западе произведений искусства [Сиба, с. 44]) был соболь. Когда соболь почти весь был истреблён, вместо него появился спрос на камчатского бобра – калана, который водился на территории, занимавшей пространство от Камчатки до Курильских островов, однако перевоз пушнины в Европейскую часть России через Сибирь обходился недёшево. В России стали думать о продаже пушнины в «цивилизованные страны» Восточной Азии. Для этого подданные российской империи вышли с пограничных с Китаем районов Сибири в монгольские степи и установили связь с китайскими купцами. «Таким образом, и сближение царской России с Китаем шло ради Сибири» [Сиба, с. 44], отмечает Сиба. Со временем, продолжает он свой рассказ, был проложен путь от форпоста России в Сибири Иркутска, где находилась

резиденция сибирского генерал-губернатора, до Кулуны в Монголии. Однако это не решило проблемы с продовольствием, так как меха в Китае не пользовались спросом, а продовольствие всё равно приходилось пересылать по суше в находившиеся довольно далеко Охотск – административный центр Сибири, и на Камчатку.

Россия стремилась к установлению отношений и с Японией, но встречала с её стороны упорное нежелание. Комментируя эту ситуацию, Сиба пишет: «Позволю себе повторить ещё раз: Россия хотела получить продовольствие из Японии для того, чтобы осваивать Сибирь... Но, наверное, не будет преувеличением сказать, что именно стремление Российского государства осваивать Сибирь, а также примыкающие к ней Камчатку и часть курильских островов, стали для Японии периода Эдо одним из источников постоянного страха, чем-то вроде боязни злых духов, хотя речь шла в основном лишь о добыче пушнины [Сиба, с. 47].

Здесь Сиба снова прибегает к сопоставлению России с Японией. В этот же период, середина эпохи Эдо по японскому летоисчислению, отмечает он, в закрытой» Японии происходил бурный рост городов, усиление класса торговцев, ремесленников, «развитие рыночной экономики, которая объединила всю страну в единое экономическое пространство» [Сиба, с. 45], что способствовало возникновению новых судоходных путей, соединявших между собой торговые города Японии. Напрашивается вывод о том, что истинный смысл этого сопоставления-противопоставления заключается в подчёркивании того, что в Японии, благодаря оружию, страна объединилась, наступили мир и процветание, а в России – началось освоение новых земель, населённых другими народами.

Лейтмотив рассуждения о том, как шло освоение новых земель к востоку от Москвы до Уральских гор, будь то предприимчивые промышленники Строгановы или казаки во главе с Ермаком, а после гибели Ермака и падения Сибирского ханства, освоение лежащей к востоку от уральских гор Сибири, а затем и покорение Камчатки головой казачьей полусотни В.В. Атласовым, является подчёркивание двух фактов: 1) того, что целью был не захват территории как таковой, а получение доступа к её богатствам; 2) освоение шло с применением оружия, действенная сила которого не вызывала никаких сомнений.

Рассуждая в этом ключе, Сиба приходит к выводу о том, что «именно ружья стали символом русских» и что «Сибирь вообще была покорена пушками» [Сиба, с. 68], и заключает: «Если можно сказать, что русские исторически испытывают любовь к пушкам (а позднее – к ракетам), то, скорее всего, она закрепились как неотъемлемый элемент культуры именно в ходе покорения Сибири» [Сиба, с. 69].

Наряду с этим Сиба подчёркивает, что «овладеть Сибирью», которая, по его определению, в XVII веке была ещё «погружённым во мрак материком» [Сиба, с. 54], было несложно, так как она представляла собой огромную территорию, на которой были разбросаны малочисленные местные племена. «Метафорически выражаясь, русские просто подобрали то, что лежало на дороге» [Сиба, с. 73], и Россия приступила к проведению такой внешней и внутренней политики, которая давала бы ей возможность «сохранить эти огромные пространства и получать от них прибыль. Интерес к Японии, которую русские никогда не видели, также был вызван только потребностью сохранить для страны огромные сибирские территории и продолжить их освоение» [Сиба, с. 73]. При этом, вновь подчёркивает Сиба, Россию не интересовали ни территории Японии, ни Цинского Китая, эти страны нужны были ей лишь как рынки сбыта сибирских товаров и приобретения

продовольствия для царских войск, чиновников и сборщиков пушнины, находящихся в Сибири, где не выращивались ни зерновые, ни овощи. Однако сельскохозяйственная, как согласно утверждению Сиба Рётаро полагали русские, Япония была в ту пору закрытой страной и не поддерживала отношений с окружающим миром.

По мнению Сиба Рётаро, властители России, начиная с Ивана Грозного, всегда понимали, что для решения экономических проблем необходимо установить отношения с Японией. Это же было основным стимулом для организации всех плаваний на Восток, включая экспедиции Беринга и Крузенштерна (достоинства которого Сиба отмечает с нескрываемым восхищением). Овладеть этими огромными территориями было проще, чем управлять ими. Однако в Японии, правители которой «высшим государственным благом считали политику «закрытия страны»», это не вызывало никакого интереса. Для японцев Сибирь была всего лишь местом, где рождаются зимние холода.

Продвигаясь вперёд во времени, Сиба пишет, что «в XVIII веке, когда Крузенштерн появился на свет (1770 г. – так метафорически он обозначает вторую половину XVIII века) в России все ещё ощущалось влияние образа жизни варваров-кочевников. Господствовали вспышки ярости и безнравственность. Литература ещё находилась в неоформленном состоянии. Но колесо столетия катилось вперёд, и тёмные тучи, висевшие над московским княжеством, наконец исчезли начала стремительно развиваться торговля, а по пятам за ней шли быстро набиравшие силу наука и литература. Правительство прилагало усилия к тому, чтобы облегчить торговый обмен между различными районами российской империи и развивать торговые отношения с народами других стран» [Сиба, с. 113]. Россия вышла к Балтийскому и Чёрному морям, и таким образом «открыла двери в мир». Здесь читатель вновь находит сопоставление-противопоставление России и Японии, которая в это время всё ещё была «закрытой страной», но в которой, тем не менее, «наступил расцвет торговых отношений на большой территории внутри страны. Это, «несмотря на ограничения, накладываемые феодальной системой, способствовало формированию у людей рационального образа мыслей, и породило учёных и мыслителей с новым подходом к гуманитарным и естественным наукам, отличным от традиционных китайских и корейских взглядов» [Сиба, с. 114].

Как бы то ни было, XVIII век Сиба склонен рассматривать «как столетие, знаменующее собой начало японо-русских отношений» [Сиба, с. 114], на которые в самом начале их установления повлияла деятельность Российско-Американской компании², которая вела добычу пушного зверя на принадлежавших России землях севера западной части Америки, а также на Алеутских и Курильских островах. Отмечая, что эта российская государственная торговая компания была одной из самых крупных компаний царской России по своему капиталу, Сиба подчёркивает, что «её нельзя сопоставить с компаниями “Мицуи” и “Мицубиси” эпохи Мэйдзи» (!) [Сиба, с. 115]. Рассказывая о деятельности Российско-Американской компании, он вновь подчёркнуто пишет о том, что эта компания «не имела никаких замыслов обращения в свою собственность территории Японии – единственного в то время независимого государства в морях Дальнего Востока. Однако компания всё же полагала необходимым распространить своё влияние на Японию для того чтобы увеличить

² Российско-американская компания – полугосударственная колониальная торговая компания, утверждённая императором Павлом I 8 (19) июля 1799 г. После продажи Аляски формально существовала до 1881 г. и выплачивала дивиденды до 1888 г.

свои прибыли» [Сибя, с. 116]. Здесь Сибя призывает своих японских читателей «обратить внимание на то, что именно в уставных документах этой компании впервые ставится задача освоения южных Курил. «Промышленники не утруждали себя размышлениями о том, какой стране принадлежат южные Курилы – России или Японии. Им просто надо было наладить снабжение продовольствием в Камчатке и восточной части Сибири, развивая на островах земледелие и животноводство, и тем не менее заявление о желании осваивать южные Курилы, принадлежность которых Японии не вызывала сомнений, иначе как бестактностью не назовёшь» [Сибя, с. 121]. Вслед за этой «бестактностью», автор отмечает, что действия, предпринимаемые Россией на Дальнем Востоке в XIX веке, начали настораживать японцев.

Кругосветные плавания, совершаемые Россией во второй половине XIX века, как пишет Сибя Рётаро, уже не могли иметь «продовольственные» цели, поскольку между Российской империей и Японией, которая вышла из состояния «закрытой страны», было заключено первое дипломатическое соглашение³. Движимая иной целью, Россия совершала действия, поселившие страх в душах японцев. В связи с этим небезынтересно привести следующее из сборника эссе «О России. Изначальный облик Севера». «В окружении русского царя сформировался лагерь правых националистов, которые в стремлении ощутить всю экономическую сладость гигантской ноши – Сибири, не только сумели прибрать к рукам часть территории Цинского Китая, так называемую Маньчжурию, получая там прибыли и дислоцируя крупную военную группировку, но и простирали руки к Корее. Это вселяло страх в Японию. В конце концов дело закончилось войной: началась русско-японская война» [Сибя, с. 110]. И далее вновь обращение в японскому читателю: «Хочу сказать, что мы, люди, живущие в Японии, должны стремиться к тому, чтобы никогда более не повторилось нечто подобное тому продвижению на юг в Маньчжурию и Корею, в котором российское понимание проблемы Сибири нашло своё выражение в аномальной форме с точки зрения нашей концепции изначальной сущности России» [Сибя, с. 110]. Концепция же, иными словами, понимание изначальной сущности России, как следует из всего вышесказанного, сводиться к тому, что «мирные земледельцы на Русской равнине», пребывавшие в постоянном страхе от нападения извне, уверовали в силу оружия и в необходимость обладания им. Далее все события на историческом пути становления России самостоятельным государством складывались таким образом, что эта вера только крепла. Более того, осуждая участие армии Японской империи в Сибирской интервенции и называя это «неслыханно грязной войной», Сибя отмечает, что в то время, когда в России шла Гражданская война, то есть «в самом начале строительства нового государства Советскому Союзу была нанесена тяжёлая рана и для защиты завоеваний революции вновь пришлось прибегнуть к оружию, что ещё сильнее убедило в его действенности. Именно с этого времени, полагает Сибя, в Советском Союзе зародилось чувство чрезмерной настороженности по отношению к Японии.

³ 25 ноября (7 декабря) 1856 г. вступил в силу так называемый Симодский трактат – первый дипломатический и торговый договор между Японией и Россией, подписанный 26 января (7 февраля) 1855 г. в городе Симода вице-адмиралом Е.В. Путягиным и представителем правительства Токугава Кавадзи Тосиакира 川路聖謨. 1801–1868, *хатамото* (旗本, букв. под знаменем, – вассал высшего ранга при сёгунах из рода Токугава), после реставрации Мэйдзи, ознаменовавшейся передачей (возвращением) власти императору, в знак своей верности сёгунату покончил собой, совершив не традиционное *сэппуку* (切腹, иначе *харакикири*), а застрелившись из револьвера.

Он с сожалением отмечает, что после русско-японской войны «Япония побаивалась возмездия со стороны России и этот страх погнал тысячи японских солдат в Сибирь», дабы «уменьшить или вовсе устранить ощущение военного превосходства России». Однако, считая это темой отдельного разговора, не предаётся дальнейшим рассуждениям. Что же касается рассуждений об изначальном облике России, Сиба подчёркивает, что он не дерзнул бы прикоснуться к сущности России, что это не было главной целью его работы, что он стремился написать книгу так, чтобы читатель мог увидеть Россию «через призму политического сознания» в плане формирования её отношений с Японией.

«Политическое сознание» не позволяет оставить без внимания вопрос, касающийся давнего спора о так называемых северных территориях, которые Сиба Рётаро считает «исконно японской территорией» [Сиба, с. 22], и в ходе повествования, разворачивая полотно истории, рассказывает о породивших его причинах и обстоятельствах. Первопричиной спора он считает разное понимание тех или иных правил и порядков, существующих в Европе и на Востоке. Для ясности понимания, что имеет при этом в виду Сиба Рётаро, уместно привести небольшой отрывок из его книги. Вспоминая, как была установлена государственная граница между Россией и Китаем (Нерчинский договор 1689 г.), Сиба пишет:

«Исторически китайская концепция императорской власти была основана на идее безграничного господства императора над землями Поднебесной. В соответствии с этой идеей все соседние народы, проникнувшись добродетелью, должны были в определённые сроки посылать послов с дарами к китайскому императору. Император милостиво принимает эти дары и отправляет посланцев назад с богатыми подарками. Земли таких народов являются владениями императора (но не территориями империи!).

В этих взглядах нет ничего от европейских концепций и представлений о государственной границе. Стройность этой восточной “концепции владения” была нарушена продвижением русских в Сибирь (аналогично обстояло дело и в Японии периода Эдо. Япония рассматривала свои северные районы как владения, но не считала их территориями в европейском понимании этого слова. Обладание территориями подразумевает необходимость размещения на них хотя бы самых элементарных органов, представляющих государственную власть. Например, направление на территории генерал-губернатора или командующего гарнизоном, а также, по возможности, получение международного признания. Но Япония эпохи Эдо придерживалась чисто восточных взглядов на свои “владения” ограничиваясь заявлениями о том, что эти острова за морем являются японскими)» [Сиба, с. 162].

Тем не менее, он считает, что эта проблема требует юридического решения на дипломатическом уровне и не следует манипулировать общественным мнением внутри Японии «как своего рода кочергой, которой помешивают угли в очаге» [Сиба, с. 22], поскольку это не только бесполезно, но может даже нанести вред Японии. Обращаясь к японцам конца 1980-х годов, Сиба писал: «Нам, как зрелой нации, необходимо понимать, что для руководства Советского Союза возврат островов означает согласие удовлетворить необоснованные требования. Думаю, что те, кто, осознавая это, тем не менее развивает движение за возврат островов, будируя общественное мнение и развивая антисоветские настроения, в конечном итоге нанесут вред самой Японии» [Сиба, с. 23].

Подобные высказывания дают основание Александру Буху⁴ – автору книги *Japan's National Identity and Foreign Policy: Russia as Japan's "Other"*, выпущенной в 2011 г. издательством «Раутледж»⁵, утверждать, что «для Сибы время остановилось, вечное господство «оригинальной формы» (в русском переводе «изначальный облик». – Прим. М.Г.) над историческими событиями он подтверждает, проводя параллели между СССР и царской Россией и подчёркивая таким образом неизменность экспансионистской природы русской нации» [Бух].

Кроме того, отмеченная в данной статье, но не анализируемая как выходящая за рамки «фактов и факторов, влиявших на то, как складывались отношения между Японией и Россией» тенденциозность, прослеживаемая в сопоставлениях России и Японии в определённые исторические моменты и выраженная в подчёркивании японского превосходства, даёт основание А. Буху, рассматривающему повествование с точки зрения национальной идентичности, отнести сборник Сиба Рётаро «О России. Изначальный облик Севера» к числу произведений, «причастных к созданию иерархической бинарной оппозиции между двумя нациями». Иными словами, не будет преувеличением сказать, что, по мнению А. Буха, особенности повествования Сиба Рётаро могли способствовать популяризации иерархической конструкции отношений Японии и России.

В переводе на русский язык с английского книга Александра Буха «Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как *другое* Японии», выпущена издательством «Новое Литературное Обозрение» в 2012 г.

⁴ Александр Бух – доцент Высшей школы гуманитарных и социальных наук при университете Цукуба (Япония). Выпускник Токийского университета (магистерская степень) и Лондонской школы экономики (докторская степень в области международных отношений).

⁵ Раутледж (Routledge) – британский издательский дом, крупное научное издательство, публикующее академическую литературу по гуманитарным и общественным наукам. Отрывок из вышеуказанной книги под названием «Россия Сибы Рётаро» доступен в Интернете. См. библиографический список.

Автор, пользуясь принятыми в феноменологии терминами «*другой*» (*other*), идентифицирующим другого человека, противостоящую сущность как вторую сторону взаимодействия, исходя из его (её) отличий от собственного Я, понимаемого как «*самость*» (*self* – предполагает психологическую целостность индивида, принцип объединения сознательной и бессознательной частей психики) в главе под название «“Россия” Сибы Рётаро»» вскрывает национальное самосознание японцев, каковым оно предстает в повествовании Сиба, использующем Россию в качестве *Другого*, впервые рассматривая отношения Японии с Россией с позиций понимания национальной идентичности [Бух].

Бух обращает особое внимание на многочисленные отступления (*ёдан* 余談) в ходе повествования Сиба, казалось бы, не имеющие отношения к «фактам и факторам, влиявшим на то, как складывались отношения между Японией и Россией», которые, как говорилось в начале, по признанию самого автора были предметом его пристального внимания. Рассказы о том, как шло освоение русскими Сибири, о тяжелом гнёте монгольского ига, которое пришлось пережить русским, о крепостном строе в России, причинившем немало страданий народу, и о многом другом зачастую прерываются сопоставлениями-противопоставлениями с событиями, происходившими в Японии, о которых говорилось выше. По мнению А. Буха, «эта техника позволяет Сибе умело использовать статус любителя истории, а не историка-профессионала, чтобы дать читателю контрастные сравнения японского Я и русского Другого» [Бух].

При этом «картины Японии периода Эдо, данные в этих отступлениях, исключительно позитивны... они пересекаются с историей завоевания, жадности и угнетения, характеризующих русскую экспансию на Восток. ...Сиба обсуждает колониальную Русско-Американскую компанию (1799–1867) и в мельчайших подробностях описывает непрофессионализм моряков и суровые условия, в которых им приходилось работать на торговых кораблях Компании в Тихом океане... этому описанию предшествует отступление о японском торговом флоте того же времени, где тщательно описывается положительная роль, которую флот играл в экономике Японии периода Эдо» [Бух] и прочее в этом же духе, действительно, говорит о неслучайности отступлений подобного рода и характеризует равно структуру текста и позицию автора.

По поводу этих отступлений А. Бух говорит, что именно они являются примерами культурно-исторического анализа, характерного, как принято считать, для Сиба Рётаро, тогда как остальной текст представляет собой изложение объективной истории. Однако утверждения, содержащиеся в отступлениях, оказываются тесно связаны с этим текстом, поэтому, несмотря на наличие в повествовании двух линий, его следует рассматривать как единое целое, пронизанное национальным самосознанием автора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бух А. «Россия» Сибы Рётаро. URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1352313644618>
Дубровских А.А. Проблема Другого в современной философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. С. 48–50. (Журнал переименован. С июня 2018 г. выходит под названием «Манускрипт»).

Саркисов К. Сиба Рётаро. «О России». Вместо предисловия // Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик Севера. М.: МИК, 1999.

Сиба Рётаро. О России. Изначальный облик Севера / пер. с яп. С.А. Быковой, С. Кавамуры, М.: МИК. 1999. 199 с.

Alexander Bukh. Historical memory and Shiba Ryōtarō: Remembering Russia, creating Japan. URL: https://www.researchgate.net/publication/291282988_Historical_memory_and_Shiba_Ryotaro_o_Remembering_Russia_creating_Japan

Alexander Bukh. Japan's National Identity and Foreign Policy: Russia as Japan's 'Other' (Sheffield Centre for Japanese Studies / Routledge Series) 1st Edition: London and New York: Routledge: Routledge. 2011. 192 p.

REFERENCES

Bukh, Alexander (2008). Historical memory and Shiba Ryōtarō: Remembering Russia, creating Japan, URL: https://www.researchgate.net/publication/291282988_Historical_memory_and_Shiba_Ryotaro_Remembering_Russia_creating_Japan

Bukh, Alexander (2011). Japan's National Identity and Foreign Policy: Russia as Japan's "Other" (Sheffield Centre for Japanese Studies / Routledge Series), 1st Edition, London and New York: Routledge.

Dubrovskikh, A.A. (2015). Problema Drugogo v sovremennoy filosofii [The Problem of the Other in Modern Philosophy], *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]: 48–50. (In Russian).

Shiba, Ryotaro (1999). O Rossii. Iznachal'nyy oblik Severa. Per.s yaponskogo S.A. Bykovoy, S. Kavamura [On Russia. The Original Form of the North. Translation from Japanese by S.A. Bykova, S. Kawamura], Moscow: МИК. (In Russian).

Поступила в редакцию 13.02.2019

Received 13 February 2019

Для цитирования: Герасимова М.П. Сиба Рётаро: очерки о России и национальное самосознание автора // Японские исследования. 2019. № 3. С. 6–22. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10017

For citation: Gerasimova M.G. (2019). Siba Ryotaro: ocherki o Rossii i natsional'noye samosoznaniye avtora [Shiba Ryotaro: essays on Russia and the author's national identity], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2019, 3: 6–22. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10017